

Осколки разбитого сердца

Даже если вы ничего не знаете об удивительной судьбе Александра Ивановича Герцена - писателя, философа, издателя, провозвестника вольного слова на Руси, вы найдете подсказку в его фамилии, ведь она по-настоящему сердечная - от немецкого слова «Herz»! Но чтобы открылось многое из волнующих герценовских «Дум», вам придется погрузиться в «Былое»...

В 1851 году Герцен был лишен всех прав российского состояния и объявлен «государственным преступником». С тех пор дорога домой в Россию для него закрыта, а имя его в России запрещено. Разнообразные герценовские раритеты - автографы, портреты, личные вещи и, в том числе, художественные работы дочери Герцена Таты (альбом и более 70 рисунков), переданы недавно в дар Дому-музею в Сивцевом Вражке праправнуком писателя Жаном-Пьером Ристом, — вновь подтвердили неисчерпаемость закровов, где за столетие с лишним затаились сокровища, сопряженные с обстоятельствами нелегкой семейной истории, да и просто трагедии распада «гнезда», пораженного болью невосполнимых утрат и взаимного непонимания.

Герцен мечтал увидеть в детях истинных наследников своего дела, людей гармонично развитых, жизнеспособных, приверженных к творчеству и постоянному труду. «Сильнейшую надежду» возлагал он на старшую дочь Наталью, Тату, как все ее ласково звали в семье. «У нее наши симпатии, наш дух», - писал он другу Огареву.

В конце 1850-х годов Наталья Александровна основательно подумывает о серьезных занятиях живописью. Жизнь в Лондоне приносит некий художественный опыт, и в семье Герцена обсуждается вопрос о ее поездке в Брюссель, к «первому художнику» Луи Галле. Осень 1862 года проходит в регулярных занятиях в мастерской живописца, а зимой с благословения отца и Огарева она едет совершенствоваться, конечно же, в Италию. «Ты едешь для живописи, - обращается Герцен к дочери. — Талант у тебя есть, но для развития таланта необходим упорный, выдержанный труд. Ни таланта, ни любви к искусству недостаточно, чтобы сделаться художником, - один труд в соединении с ними может что-нибудь сделать. Без работы можно быть дилетантом, а мастером - художником никогда» (XXVII, кн.1,268). «Я хочу, чтоб ты была художником, и потому, - присоединяется к другу Огарев, - что, может быть, лучше, изящнее и счастливее ничего нет...».

О существовании многих работ Таты Герцен — портретов ее отца, рисунков, набросков, копий с картин великих мастеров — было известно из писем и мемуаров, но большинство оригиналов художницы, как казалось, навсегда утрачены. Проглядывала надежда что-то отыскать в семье, и после падения «железного занавеса» в собраниях герценовских потомков (которых по миру живет теперь более ста пятидесяти), действительно, многое открылось.

Истоки герценовской драмы берут свое начало еще со времени вхождения в герценовский дом жены Огарева Натальи Алексеевны Тучковой-Огаревой. Она приехала с мужем в Лондон в 1856 году. Вскоре Наталья Алексеевна становится гражданской женой Герцена. Через два года на свет появится Лиза, объявленная дочерью Огарева,

и тайна, «по общему согласию и ввиду русских родных» (XXX, кн. 1,215), скрываемая от детей, друзей и врагов, определит жизнь, характер и судьбу талантливой, но надломленной, своевольной девочки.

Искренние намерения Тучковой заменить мать детям своей любимой подруги, умершей в Ницце в 1852 году, оборачиваются ожесточением, враждебностью, даже ненавистью, ею посеянной, и фактическим отторжением детей от отца. Старший сын Герцена, Саша, как и подобает взрослому человеку, начинает «новое существование» - собирается в Швейцарию учиться. Не клеится с Ольгой. Решение «снова попробовать» Мальвиду Мейзенбург в качестве воспитательницы дочери делает Ольгу совершенной «иностранкой». Под вечной угрозой разрыва и отъезда Натальи в Россию разворачивается настоящая война вокруг Лизы, и редкие перемирия Тучковой и Герцена не в силах сгладить той накаленной страхом и ревностью атмосферы, в которой подрастает их дочь, страстно любимая ими обоими. В письмах Герцена этой поры, полных тревоги, заботы о девочке и нескрываемого восхищения ее способностями, все тот же вопрос: «Что Лиза - поминает ли она дядю?» (XXVII, кн.1,63). Трагическая несурязица. Девочка называет отцом не того, чье единственное устремление, печаль и счастье - его дочь Лиза.

Горькие, нелегкие признания Герцена о «страшной», «раздирающей» судьбе («Господи, сколько времени, жизни, идей, сил пошло на этот внутренний раздор и бой!» - XXIX, кн. 1,57), объясняются, в частности, и некоторыми особенностями характера и воззрений Тучковой, а также тем психическим состоянием, в котором она пребывала с самого рождения дочери. Теперь вся «обращенная на личное», она требовала от Герцена невозможного - целиком сосредоточиться на ее семье, отречься от собственных детей. Вот почему в этой истории «погубленной частной жизни», где нет правых и виноватых, настойчивым, почти фанатичным лейтмотивом звучит трагедия отца, одержимого желанием собрать всех под одним кровом, сплотить детей, где старшей и любимой Тате отводится немалая воспитательная роль - приобщить, приблизить родившихся на чужбине младших ее сестер Ольгу и Лизу к русской, демократической традиции. Собственно, художница Наталья Герцен, как бессменный часовой семьи, доказавшая всей своей долгой жизнью верность герценовским идеалам, даже в своих юношеских «недорисунках» (ее словечко!) словно воплотила эту призрачную возможность фамильного единения.

Под ее кистью и пером возникают портреты родных и знакомых, оживают забавные бытовые сценки, пойманные художницей в редкие мгновения семейных встреч. И пусть Герцен был иногда строг и не вполне справедлив (упрекая Тату то в лени, то в неоправданной смене увлечений - живописи на пение и т.д.), Тата много и упорно трудилась. Увы, профессионалом она не стала, но ее художественное наследие (включившее в себя великолепные портреты отца, в том числе и предсмертный, написанный не без влияния Н.Н. Ге, в 1867-м, когда художница взялась за портрет своего кумира) позволяет впервые увидеть множество неузнанных прежде лиц, персонажей «второго плана» и волнующих картинок из прошлого - тех немногих «осколков былого», без которых и целую жизнь не вообразишь.

Ирина ЖЕЛВАКОВА

(«Русская Галерея» №1/2001),

статья проиллюстрирована рисунками Натальи Герцен : дом-музей Герцена, Сивцев Вражек

